Подлинная история России

Николай Rostov

Симеон Сенатский и его история Александрова царствования. Роман второй в четырёх книгах. Книга вторая

«Издательские решения»

Rostov H.

Симеон Сенатский и его история Александрова царствования. Роман второй в четырёх книгах. Книга вторая / H. Rostov — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505465-4

Передел истории страшней передела мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца — императора Павла I.…После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою, так называемую, Историю Александрова царствования.Не верите?Прочтите этот роман — и тогда вы, наверное, поверите не только в это!

ISBN 978-5-00-505465-4

© Rostov H.
© Издательские решения

Содержание

Книга вторая 6
Глава первая – сон семнадцатый от Беса и сон седьмой от Беса 7
Сон четвертый, от Беса 10
Сон двадцатый, от Беса 17
Сон семьдесят седьмой, от Беса 19
Сон тридцать седьмой, от Беса 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Симеон Сенатский и его история Александрова царствования Роман второй в четырёх книгах. Книга вторая

Николай Rostov

Корректор ЛитРес: Самиздат

© Николай Rostov, 2019

ISBN 978-5-0050-5465-4 (т. 2)
ISBN 978-5-0050-5395-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга вторая

Глава первая – сон семнадцатый от Беса и сон седьмой от Беса

который в силу своей невообразимой странности дан мною в примечании

Старец Симеон Сенатский лежал на каменном полу возле кровати, сжимая в правой руке нательный свой крест. Рубаха его была разодрана, и на пухлой его груди была выписана (крест-накрест, видно, ножиком полоснули) то ли наша русская буква «ха», то ли иностранная – «икс». След от ножа был бритвенно тонок, и крови почти не было. Невозможно было вообразить, что из-за этого он умер. А он, несомненно, был мертв.

Отец Паис склонился над ним и закрыл ему глаза. Ужаса в глазах у убитого старца не было. Ужас стоял в глазах у самого монаха, когда он закрывал ему глаза, будто спрашивал у него: «Кто следующий?»

Взгляд синих глаз убиенного старца был ясный, бездонный, словно в озере отражалось небо. А в келье было сумрачно. Горела всего одна свеча, а огонь в лампаде перед иконой в углу был потушен. Наверное, убийцей.

Сон первый, от Беса

Этот сон вы уже читали в Предисловии к этому роману[1]*. Тогда я удержался от своих комментариев, а сейчас хочу обратить ваше внимание на некоторые неточности, которые допустил Бес: монахи спали не на кроватях, а на лавках, и кельи освещали не свечами, а лучинами.*

И еще. Старец Симеон был третьим по счету, как явствует из снов от Беса. А убийца выписал ему ножичком почему-то латинскую циферку десять? И не ножиком, как следствие установит, он эти циферки им выписывал, а кинжалом. Правда, во сне за нумером четыре он свои ошибочки исправил.

Следующим отец Паис оказался.

На груди он ему латинскую четверочку кинжалом выписал – и записку в руку вложил. Условия, злодей, выставил!

Я вас до тех пор убивать буду, пока эти твари из нумера 14 и нумера 25 не уедут.

X

Порфирию Петровичу настоятель монастыря архимандрит Александр эту записку тотчас и показал.

– Ваше высокопреподобие, а кто в нумере двадцать пятом проживает? – поинтересовался наш Великий Пророк. Сам он проживал в четырнадцатом номере монастырской гостиницы.

– Полковник Бутурлин со своей женой в том нумере проживают, – ответил архимандрит Александр.

– Вы им эту записку показывали?

– Пока нет. Прежде хотел с вами, Порфирий Петрович, посоветоваться. Вы у нас стародавний гость. С 1806 года к нам приезжаете, а они в первый раз к нам пожаловали.

– И в последний! – добавил Порфирий Петрович.

---

[1] Все сноски и примечания, за редким исключением, в моем романе будут следовать набранные курсивом, непосредственно за текстом, к которому они относятся. Это сделано исключительно для того, чтобы не затруднять ваше чтение. К тому же, как правило, их или вовсе пропускают, или прочитывают после прочтения всей страницы, а этого мне бы не хотелось, так как мои примечания играют, смею думать, наиважнейшую роль в моем романе.

– Почему? – удивился архимандрит. – Вы их знаете?

– Встречались раньше, – ответил Порфирий Петрович сдержанно. Разговор с настоятелем монастыря был ему неприятен – и он сказал, чтобы на этом разговор закончить: – Ваше высокопреподобие, я сегодня же уеду! Прощайте.

– Благослови вас Бог! – перекрестил Порфирия Петровича архимандрит и тяжко вздохнул.

Порфирий Петрович приложился к руке высокопреподобия и молча удалился. Лишь за дверью он позволил себе крепко, как и пристало генералу, выругаться!

«Сегодня у нас что, четверг?» – проговорил про себя, а вслух сказал:

– Щепетильно, однако, точны… черти!

– Что вы сказали? – спросил его испуганно монах, проходивший мимо.

– Извините, – ответил ему Порфирий Петрович. – Это я так, о своем, позволил себе выразиться. Извините!

Действительно, монахов убивали с щепетильной точностью – по четвергам.

Накануне первого убийства, в среду, они и приехали – Бутурлин и Жаннет Моне. Нет, теперь она в другом, так сказать, качестве – Бутурлина Евгения Александровна, законная супруга полковника Бутурлина.

А звание Бутурлину Бес почему-то понизил? Хорошо, что не как государь наш, из генерал-майора в рядовые, а всего лишь в полковники! Но продолжим.

И вот они уже вместе с ним плывут из монастыря в Кемь. Дело свое сделали!

– Порфирий Петрович, вы все продолжаете на нас дуться? – подошла она к нему, стоящему на корме яхты. – Право, смешно… нас не замечать!

– Так и вы, мадам, голову воротили в сторону! А нынче что?

– Нынче мы с вами, как видите, в одной лодке!

– Аллегориями изволите выражаться?

– Какие уж тут аллегории, генерал? – засмеялась Жаннет. Она была все та же. Ничуть не изменилась. Только, может, чуть стала стройней, да и грудь уже – не виноградинки, а яблочки наливные, спелые – но, поди, отравленные! Кислые – уж точно. А она продолжала смеяться: – Убийца нас с вами в одну лодку посадил! Вот и плывем из монастыря мы вместе. Давайте помиримся. Ведь и тогда мы с вами одно дело делали! Думаю, – вдруг сказала она серьезно, – вы не будете этого отрицать. По-другому и невозможно было. К князю Ростову Николаю Андреевичу я лишь за тем приехала…

Ставлю отточие. И прошу прощения у не читавших роман мой первый «Фельдъегеря генералиссимуса». Зачем Жаннет к князю Ростову приехала, вы в том романе, если интересно, прочтете.

– А не думаете ли вы, мадам, что он за *прошлое* наше с нами хочет расквитаться?

– Вы уже знаете, кто убил этих монахов?

– Нет, не знаю! В Петербург еду с этим разбираться! И вы туда же?

– Нет, я тут останусь, а Василия вам в помощники отдам.

Яхта, на которой они плыли, причалила к пристани. Они сошли на берег.

– Вася, – сказала Жаннет Бутурлину, – ты едешь с Порфирием Петровичем в Петербург. А я пока поживу тут.

– И не выдумывай! Где ты тут будешь жить?

– В Кеми вполне приличная гостиница. В ней и поселюсь. Думаю, он не остановится. Продолжит их убивать.

– А я так не думаю, мадам! – возразил резко Порфирий Петрович. – Свое он дело сделал. Старца Симеона убил, а остальных, чтобы следы свои замести. Знаете, – вдруг сказал он неожиданно, – шар тот воздушный там нашли! – И он указал в сторону, откуда они приплыли. – Как я узнал об этом, так и стал сюда ездить. Те монахи шар тот и нашли.

– И тех монахов было, Порфирий Петрович, ровным счетом девять человек. Осталось пятеро. А князя там не было. Он был бы… десятым.

– Да, – вздохнул Порфирий Петрович, – корзина воздушного шара оказалась пустой. – И посмотрел в небо, будто хотел углядеть его, князя Ростова Николая Андреевича: вдруг он там все еще летает? И неожиданно воскликнул: – Да нет, не может быть!

– Что не может быть?

– А? Что? – посмотрел недоуменно Порфирий Петрович на Жаннет. – Почудилось просто. Вспомнилось…

Сон четвертый, от Беса

Граф Мефодий Кириллович Большов был человеком мудрым.

Благодаря своей мудрости он и при великой государыне нашей матушке Екатерине Второй влияние имел, и при сыне ее Павле I удержался, а при Николае Павловиче в такую силу вошел, что чуть ли не самолично нашим государством управлял; государем императором – уж точно. В таком, так сказать, чине он и возглавил свою комиссию и отправился неспешно и окольно с тишайшей предосторожностью на свое Соловецкое богомолье через Архангельск.

Путь он свой проложил до Архангельска через Костромскую и Владимирскую губернии, где находились его имения. Давно он в них не был. Неотлучные дела в Петербурге мешали, а вот случай подвернулся – и он поехал их ревизовать, наводить порядок.

Наведя порядок, он приступил к своим прямым государственным обязанностям, т. е. отправился в Архангельск, чтобы оттуда по Белому морю отплыть на Богомолье.

Путешествие его как по суше, так и по морю протекало без тех, прямо скажем, мистических приключений, что выпали на долю нашего драгуна Маркова. Одним словом, без всяких приключений он прибыл в Соловецкий монастырь и поселился, как и положено человеку значительному, в покоях настоятеля монастыря архимандрита Александра – и на вопрос архимандрита: «Как добрались, ваше сиятельство?» – ответил, не раздумывая, своим знаменитым словечком: «Превесело, ваше высокопреподобие!» – и первый раз в жизни это слово его подвело. Настоятель монастыря посмотрел на него недоуменно и даже осуждающе подумал: «Дурака прислали».

– А что, ваше высокопреподобие, у вас тут случилось? – тут же нашелся граф Большов. – Убили, что ли, кого?

– Убили, – ответил настоятель и с облегчением вздохнул: все-таки не дураком этот сенатор оказался, – и промолвил смиренно: – Убили трех монахов и старца Симеона. Царствие им Небесное.

– Да, скажу я вам, – вздохнул Мефодий Кириллович, – превесело тут у вас! – И больше ничего не стал говорить. Нужное свое слово – и даже два раза – он сказал. Теперь без лишних слов необходимо было приступать к разбирательству этого дела. А для этого и придан был его комиссии в качестве технического секретаря драгунский полковник Марков. Ему, как говорится, и слово молвить, и дело делать!

В общем, мудрым и глубокого ума человеком был граф Мефодий Кириллович Большов. В технические секретари он сам нашего драгуна выбрал. Непременным условием государю это выставил, когда эту, честно говоря, никчемную комиссию возглавил.

Прозорливо!

И к тому же, наверное, предчувствие у него было. Не зря же он свои дела в порядок привел, имения свои ревизиям дотошным подверг.

Да, несомненно, чувствовал, что добром это богомолье на Соловках не кончится. И когда архимандрит Александр оставил его, он погрузился в глубокое и мрачное раздумье.

О чем его были мысли, спросите вы меня? Отвечу. О бренности всего сущего на нашей грешной земле. Но недолго ему пришлось предаваться этим мыслям. Драгунский полковник Марков вошел к нему в комнату.

Вид его был грозен и ужасен!

Ужасен в том смысле этого слова, что, глядя на него, враг должен был прийти – и приходил от его вида в ужас.

И враг действительно, которого он привел с собой, находился в этом трепетном, ничего не понимающем ужасе.

В комнату к сенатору драгун привел с собой библейского старца!

– Ваше сиятельство, – сказал Марков графу Большову, – вот наш злодей. Это он убил тех монахов!

Граф открыл глаза, посмотрел на Маркова, на старца и сказал:

– Господин полковник, оставьте нас одних. – И когда тот вышел, указал старцу на кресло, что стояло напротив него, и проговорил любезно: – А вы, сделайте милость, присаживайтесь! – И когда старец сел, спросил его так спокойно и так уверенно, будто это знал давно сам, но таков уж порядок, что и вам это знать должно и доложить необходимо, чтобы я убедился, что вы это верно знаете, как это знаю я: – Ну, говорите. Я вас внимательно слушаю. Рассказывайте, как вы убили тех монахов и брата государя императора нашего… старца Симеона. Превесело, наверное?

Поясню в примечании, как нашему драгуну удалось отловить этого злодея (примечание мне это приснилось во сне, от Беса, за номером шесть). А что ответил библейский старец графу Большову, мне во сне двадцатом, от Беса, показали. Вы его сразу после этого примечания прочтете.

Дело было так.

Наши «богомольцы» – граф Большов и драгунский полковник Марков – на «богомолье» прибыли почти одновременно. Не успел драгун сойти на берег Соловецкий, как и граф на этот берег сошел.

– Ну, – спросил граф нашего драгуна, – превесело в Кеми, как государь велел, время провели?

– Превесело, – не сразу и мрачно ответил Марков. Тяжко ему было после пари с библейским старцем.

– А что так? – удивился граф. – Или закуски мало было? – От Маркова несло водочным перегаром, но он славился тем, что голова у него редко болела от похмелья.

– Да нет, ваше сиятельство, и закуски было много – и водки было вдоволь. Только вот не с тем я ее пил!

– Ну-ка, господин полковник, – насторожился граф, – разъясните, что значит… не с тем?

– А то и значит, господин граф, – с мукой в голосе выкрикнул драгун, – что с убийцей старца Симеона я водку пил! – Даже с некоторым раскаяньем выкрикнул, будто пока он пил с ним… тот и убил старца.

И, услышав это, у графа, как говорят, от сердца отлегло. И он спокойно спросил драгуна:

– Ну и кто он, убийца старца? – А казалось бы, что сие известие должно было несказанно его удивить и потрясти! Но ничуть не удивило и не потрясло, будто знал, что должно было нечто подобное с этим старцем случиться, раз он, граф Большов, к нему ехал, чтобы спросить, не он ли автор этой вздорно лживой и дерзко подстрекательской «Истории Отечества нашего»? Ведь в двенадцатом году гвардейцы, поди, начитавшись этой «Истории», ходившей в тайных списках, на Сенатскую площадь бунтовать вышли и имя старца выкрикивали – в императоры звали. И граф, возвысил голос, нарекая старца по названию той площади, чтобы придать большую значимость своему вопросу: – Ну и кто же убил старца Симеона Сенатского?

Так и стали потом этого старца прозывать: Симеон Сенатский.

– Старец некий… его убил… библейский. – И Марков рассказал графу о своих дорожных приключениях.

– Ну и с чего ты решил, что он убил? Мало ли… кто быстро ездит? И кто у нас на Руси не любит быстрой езды? Что, всех нас в злодеи и бунтовщики записывать?

– Он по средам из Кеми в монастырь наведывается, – стал объяснять графу Марков, – а в пятницу возвращается. Я посчитал, он четыре раза на свое скоротечное богомолье уже

съездил. И трех монахов за это время убили… и старца Симеона. Злодей с щепетильной точностью по четвергам их убивает!

– А что, – согласился с драгуном граф, – превесело будет, если твой библейский старец тем самым злодеем окажется. Сегодня у нас что?

– Суббота!

– Жаль. Ничего, подождем до четверга. – И тут же сказал: – Мы с тобой не знакомы, а этот наш разговор случайный. Ступай. Да, – остановил драгуна, – ты где хочешь поселиться?

– В келье старца Симеона.

– Превесело придумал. Ступай!

И каково же было удивление Маркова, когда он в этой келье увидел своего библейского старца!

Что тут скажешь, господа читатели?

Превесело – да и только!

Библейский старец молился перед иконой.

Драгун решительно прервал его молитву, положив ему свою тяжелую руку на плечо, – и, повернув к себе лицом, сказал:

– Теперь ты на меня будешь молиться, чтобы я тебя в этой кельи не убил! Отвечай, как ты тут оказался?

От столь дерзкого с собой обращения старец оторопел и долго не мог найти слов, чтобы выразить то состояние, в которое он пришел.

– Не понимаю вас, – заговорил он наконец, – что вы от меня хотите?

– Как оказался тут? – еще раз повторил свой вопрос драгун.

– Пришел помолиться в келью убиенного старца Симеона… о спасении его души.

– О спасении его души? – закричал Марков. – Врешь, изверг! – И захохотал негодующе: – Пришел грехи свои сюда у Господа нашего вымаливать. На место своего преступления потянуло душегуба! – И невольно с его губ вырвалось сенаторское словечко: – Превесело!

– Что тут превеселого? – возмутился старец. – И кто вы такой? Изыди, сатана! – перекрестил он себя. – Изыди!

– «Изыди»? – еще возмущенней захохотал драгун и схватил крепко старца за руку: – Ты сам сейчас у меня изыдешь! – И потащил старца вон из кельи к графу Большову!

Огонь в лампаде вдруг вспыхнул – да так, что келья вся озарилась ярко-ярко, будто молния озарила ночь кромешную, – и две черные тени от старца и драгуна метнулись по полу, словно гром вдогонку этой молнии! И келья погрузилась в темноту. Огонь в лампаде погас.

И сам я погрузился в темноту. Потом впереди меня забрезжил утренний свет, и стал мне сниться следующий мой сон, седьмой. И это был сон, когда я не сидел за столом и писал свой роман второй, а видел, вернее – сам непосредственно принимал живейшее участие в качестве одного из героев своего романа.

И я даю описание этого сна в этом примечании потому, что, во-первых, события в этом сне происходили в то же самое время, что и в келье Старца Симеона, – и, во-вторых, уж больно странен был этот сон седьмой. Мне снилось, что я в образе, другого слова не подберу, Жаннет… Одним словом, мне снилось, что я – женщина… Превеселое, скажу я вам, господа, ощущение! И уж простите, я этот сон своим эпиграфом предварю, а то непонятно будет, зачем Жаннет в гостиничный номер к библейскому старцу заявилась.

> – Да вот и он сам, – воскликнула Жаннет. – Смотрите! Опять пьян, бестия! А ведь с вас началось, Порфирий Петрович! Зачем вы его всю дорогу поили? Лечили? Вот и вылечили! – И она весело засмеялась, обворожительно! Серебряный ее колокольчик нашему Пророку вдруг другой колокольчик напомнил. Нет, не колокольчик Пульхерии Васильевны – фельдъегерский!

Драгун Марков шел к Жаннет и к Порфирию Петровичу взвинченной походкой слегка пьяного человека, будто он этим взвинчиванием свои ноги ввинчивал в этот северный воздух, зыбкий и разведенный до немыслимой прозрачности, чтобы они, ноги, не проскальзывали на склизкой от прошедшего дождя тропинке, идущей к пристани. И это ему, немыслимое, удавалось. Шаг его был тверд и обстоятелен. И только драгунские глаза и драгунская его знаменитая ухмылка выдавали его, что выпил он изрядно. Простому смертному, замечу, столько не выпить: на том свете, без шуток, пришлось бы похмеляться.

Шесть штофов водки он только что с библейским старцем на пари выпил в трактире. Согласитесь, что простому смертному столько не выпить.

Но все же отметим еще раз, что хотя шаг его был тверд, глаза его никак не могли зацепиться за насмешливый взгляд нашей «француженки» и за удивленный донельзя взгляд генерала Тушина Порфирия Петровича. Бутурлин, стоящий у них за спиной, лишь сдержанно и сочувственно улыбался драгуну.

Взгляд Маркова то соскальзывал на ее грудь, то по эполету генеральскому мазал – и рушился на землю – как пьяный. И ухмылка его при этом перекашивала лицо от досады – как после неудачного выстрела: черт, опять промазал!

– Жаннет! – Наконец-то он поймал ее взгляд, подойдя к ним вплотную. – Какими судьбами?

Удивлен был наш драгун встретить их тут на пристани в Кеми несказанно. И они, отмечу, только что приплывшие из монастыря, так же несказанно были удивлены встретить его здесь.

– А вы какими? – неожиданно строго посмотрела она на него и недовольно добавила: – И почему опять пьяны?

– Да потому что опять в деле, мадам! – ответил он ей резко, отвечая сразу на два ее вопроса, и согнал ухмылку с лица, давая понять, что вопросы эти она ему задала неуместно при постороннем генерале.

– И мы с Порфирием Петровичем в деле, Гаврила Гаврилович! – тут же осадила она его резкость тона и дерзость ухмылки. А ведь убийца монахов своей запиской, что на теле отца Паиса оставил, их из этого дела как раз и выкинул. – Так почему вы пьяны?

– Пришлось выпить, мадам, чтоб одного человечка откровенно разговорить, – после некоторого раздумья произнес Марков и тут же сказал Порфирию Петровичу: – Извините, ваше превосходительство, что не к вам первому, по старшинству, обратился! И тебе, Вася, привет, – кивнул Бутурлину, стоявшему чуть поодаль от Жаннет и Порфирия Петровича.

Бутурлин улыбнулся драгуну понимающе, а генерал Тушин протянул руку Маркову.

– Без чинов, Гаврила!.. Гаврилович, – сказал Порфирий Петрович и тоже улыбнулся: – Позволь тебя расцеловать!

– За что, Порфирий… Петрович?

– За все, – обнял драгуна бывший капитан артиллерии в отставке Тушин. – За Пульхерию Васильевну! За то, что меня не предал. И за все остальное. – И они троекратно расцеловались.

– Ну вот, – весело рассмеялась Жаннет. – Все точки над «и» в прошлом деле и поставили!

– Нет, не все, – ответил Порфирий Петрович. – Впрочем, извините, – поспешно проговорил он, – я отойду. Без помех разговаривайте.

– Нет, – удержала его Жаннет, – останьтесь. – И обратилась к Маркову: – Что за человек, для чего его нужно было разговорить?

– А для того и хотел разговорить, чтобы узнать, что он за человек, почему за мной увязался?

– Разговорил?

– Нет. Крепок на водку, бестия, оказался! Чуть меня самого не «разговорил». – И Марков засмеялся: – Он за мной от самого Петербурга следил. И в той же самой гостинице, что и я, поселился. Вот и любопытство меня взяло, кто его ко мне приставил, зачем?

– Хорошо, я сама попробую его разговорить! – улыбнулась Жаннет – и преобразилась. Как ей это удалось – непостижимо. Одним поворотом головы, улыбкой своей вдруг из обворожительной светской дамы превратилась в еще более обворожительную, пардон… Впрочем, не будем произносить это нецензурное слово.

Полковник Бутурлин, ее муж, тут же сжал до хруста кулаки. Жаннет посмотрела на него удивленно и предостерегающе – и, как всегда, что называется, на скаку остановила.

– Мадам, так вы его не разговорите, – мрачно возразил ей Марков – Этому человечку лет восемьдесят, не меньше! В библейских летах сей старец. И сообразно этому… разговоры свои и дела ведет. Мы с ним пятую неделю здесь, в Кеми, проживаем. Так он каждую среду в монастырь наведывается, а в пятницу возвращается. Свои странно-скоротечные богомольные вояжи объясняет тем, что не достоин пока на сей святой соловецкой земле дольше пребывать, так как не все грехи свои отмолил.

– И не отмолит! – опять превратилась в светскую львицу Жаннет. – С пятницы по субботу там надо старые грехи свои отмаливать, чтобы новых грехов не натворить! – И обратилась к Порфирию Петровичу: – Вы меня поняли, о чем я говорю?

– Вряд ли этот библейский, как окрестил его Гаврила Гаврилович, старец имеет отношение к смертям этих монахов.

– А вот посмотрим, – улыбнулась Жаннет, – так ли он библейски стар? Водку-то почище драгуна нашего хлещет! Так что, думаю, Гаврюша, ты его все-таки «разговорил». – И она засмеялась, но тут же серьезно, врасплох спросила Маркова: – А собственно, зачем ты здесь оказался?

– Как? – несказанно удивился драгун – и ледяным трезвым взглядом посмотрел на нее: – Разве не знаете, мадам? Я здесь с «Историей Александрова царствования» разбираюсь. Вперед комиссией по этому делу выслан почву, так сказать, взрыхлить! Здесь, в Кеми, взрыхлил – теперь в монастырь еду. – И добавил разочарованно: – Я думал, вы… тоже! Нет?

– А я думала, что тебя сюда послали разобраться в убийстве автора этой «Истории», старца Симеона! – насмешливо, но и горько сказала Жаннет.

Марков от этих ее слов окончательно протрезвел. О смерти старца и трех монахов он впервые от нее услышал. Втайне от всех пока эти убийства были.

– Так что… не ехать мне, – спросил драгун, когда понял наконец-то, что сказала ему Жаннет, – здесь с моим библейским старцем разобраться?

– Поезжай! С этим старцем я сама разберусь, – ответила Жаннет и потупила свои лукавые очи.

Сон тридцать шестой, от Беса

Он мне всего лишь руку мою поцеловал – а будто там поцеловал. И мы оба это поняли.

– Мадам, – тут же воскликнул он, – вы ошибаетесь на мой счет!

– Ошибаюсь? – улыбнулась я ему. – Неужели… ошибаюсь? – Когда я вошла к нему в номер, он посмотрел на меня – и взглядом своим тут же меня раздел!

Нет, руками раздел, нежно прикасаясь, словно взглядом, к моему телу.

Раздел меня так, как я люблю: распустил мои волосы, провел ладонью по щеке; потом, расстегнув на спине пуговки платья, стянул его вниз до талии и обнажил мои груди; полюбовавшись и поцеловав соски четыре раза, он продолжил свое священнодействие с моей одеждой.

Платье соскользнуло вниз к подножью моего тела – и он взметнул вверх ладонями кружево нижней моей юбки, словно пену морскую, и сквозь нее осыпал лицо мое поцелуями.

Сквозь нее я наблюдала, как он приступил к самому главному: сдергиванию с меня моих панталон.

Обычно в таких случаях я не надеваю их. Уж больно комично я в них выгляжу. Да и кавалер почти всегда портит своей неловкостью трепетность этого священного момента – обнажение моего сокровенного.

Предпочитаю греческое, древнеримское, чтобы тут же, вспенив мою нижнюю юбку, он это мое узрел.

Или восточное – газовые шальвары. Это волнует неизъяснимо его и меня. Яблоко мое райское (будто кто-то его надрезал уже) сквозь них светится, ждет, чтобы взяли его с ветки – и насладились.

Но это был не тот случай. Идя к этому библейскому старцу, я надела на себя дюжину панталон. Пусть, думаю, в женской этой капусте помучается, слюной своей сладострастной изойдет, когда до меня доберется, если, конечно, раньше времени не окочурится. Но старец разгадал мою хитрость.

– Вы ошибаетесь, – сказал он мне. – Еще ничего между нами не было.

– Не было? Так ли это? – Дюжину моих панталон он, что называется, шутя с меня стянул. Я сама помогла ему торопливо их сдернуть, в воображении, конечно.

И нижняя юбка лежала у моих ног.

Обнаженной стояла я перед этим библейским старцем.

И ничего библейского в нем не было, если не брать в расчет библейскую историю с библейским яблоком – и моей библейской наготы!

И это не в воображении – и не во сне, а наяву было.

Обнаженной Евой, а не Жаннет стояла я перед ним. И он стоял передо мной обнаженный. И яблоко в его руке настоящее было. «На, – сказал он мне, – откушай! Насладись. – И засмеялся: – Как я тобой насладился!»

Нет, не библейским старцем он был – и не Адамом, а Сатаной.

Я выбежала из его номера.

– Куда же вы, Жаннет? – бросился он за мной и, остановившись в дверях, крикнул: – Одежду свою забыли. – И выбросил в коридор мое серое платье – и все прочее мое.

Я остановилась, подобрала их с пола – и запустила огрызком его «библейского» яблока в него.

– И ты насладись! – крикнула я и засмеялась. Яблоко угодило ему в лоб.

Только в своем номере я пришла в себя.

Уткнувшись в подушку, я долго лежала…

Нет, я не девочка – и рыдания не сотрясали мое тело.

Наконец-то я уснула, и теперь во сне он мял своими губами мои груди, терзал мое «яблочко». И было мне сладостно, даже сладостней, чем там, у него в номере, наяву. И когда он поднял меня на такую нестерпимую высоту блаженного наслаждения, что и перенести его невозможно, я закричала от этой сладкой боли – и полетела в кромешную бездну…

Вдруг тихо так стало, что я подумала, что умерла. «Нет», – сказала я себе и открыла глаза.

Белый шар солнца глядел в мое окно. Белой занавеской небо. Белая ночь сводила меня с ума, будто я уже на том свете. «Вот так, наверное, он и монахов тех убил! – подумала я. – Белая ночь, бельмо солнца на небе. Но почему же глаза у них, у убиенных монахов, такие синие?»

Сон двадцатый, от Беса

Не забыли, что граф Большов у злодея этого спросил? Напомню на всякий случай.

– А вы, сделайте милость, присаживайтесь! – сказал он библейскому старцу, когда Марков вышел из комнаты. И когда старец сел, спросил его так спокойно и так уверенно, будто это знал давно сам, но таков уж порядок, что и вам это знать должно и доложить необходимо, чтобы я убедился, что вы это верно знаете, как это знаю я: – Ну, говорите. Я вас внимательно слушаю. Рассказывайте, как вы убили тех монахов и брата государя императора нашего старца Симеона. Превесело, наверное?

– Ваше сиятельство… Мефодий Кириллович, – степенно ответил библейский старец, – зачем вам рассказывать, как я убил, ежели вы сами отлично это знаете? Да еще в таких «превеселых» подробностях. – И старец сдержанно улыбнулся.

Нет, не проби́л, так сказать, библейского старца граф Большов своей осведомленностью. Не проби́л своим лукавым вопросом «Превесело, поди, убили?»

Более того, дорогие мои читатели, он сам графа «проби́л» своей осведомленностью, своим вроде бы пустяшным вопросом.

– Помните, как третьего дня вы на судно в Архангельске опоздали? – спросил он графа все так же степенно и обстоятельно. – Я вас видел, как вы на пристани нам призывно махали, да капитан не захотел ворочаться. Примета плохая. И пришлось вам на следующем судне, часа через два, наверное, к нам на свое богомолье отплыть.

– Постойте! – изумился граф. – А что же тогда вы в Кеми делали? Ведь водку вы там с драгунским полковником Марковым в трактире пили. Шесть штофов превесело с ним уговорили!

– То-то я вижу, что не в себе драгун. В белой горячке, не иначе, он набросился на меня. Молитву мою нарушил. Я ведь только сегодня узнал, что старца Симеона и еще трех наших монахов злодейски убили. Успокой Господи, – перекрестился он истово, – души их невинные. Царствие им небесное.

– Превесело, – растерянно проговорил граф Большов. – А в Архангельске что вы делали?

– Видите ли, ваше сиятельство, я келарь сего монастыря. По делам нашего монастыря полтора месяца в Архангельске безвыездно пробыл. Сегодня только возвратился. Архимандрит Александр мои слова подтвердит, если вы мне не верите.

– Я вам верю, отец…

– Инок Пафнутий, – подсказал свое имя графу старец.

– Извините нас, отец Пафнутий! Извините великодушно, – искренне проговорил граф Большов Мефодий Кириллович. – Господин полковник, – позвал он к себе Маркова и сказал ему, когда тот вошел в комнату: – Что ж ты, братец, меня подвел? Извиняйся и ты теперь перед отцом Пафнутием! Келарь он Соловецкого монастыря – и не водку он с тобой на пари в трактире пил, а вместе со мной, чуть ли не на том же самом судне из Архангельска, сюда приплыл. – И сумрачно добавил: – Ну и превесело ты над нами обоими подшутил!

– Келарь? – несказанно удивился драгунский полковник Марков. – Отец Пафнутий? А покажите-ка ваши ладони, преподобный отец! – подошел он к старцу.

Старец ничуть не удивился такой просьбе нашего драгуна и показал ему свои ладони.

– Шрамы хотите увидеть мои? – сказал он ему спокойно. – Смотрите! – А графу Большову пояснил: – Шар тот воздушный, когда рванулся от нас в море, шрамы сии, словно линию жизни нам всем заново тогда прочертил. – И графу он показал свои ладони – как раз по этим линиям жизни на ладонях шрамы те шли.

– Так вы, святой отец, – угрюмо проговорил драгун, – в том же самом его смертном списке. Простите меня, отец Пафнутий, за ради Христа простите!

– Да что за список такой? – удивился граф Большов.

– А то, ваше сиятельство, список, – ответил драгун, – что он монахов тех убивает, которые шар воздушный князя Ростова нашли!

– А за что же он их убивает?

– За то, наверное, – усмехнулся невесело Марков, – что шар тот не удержали. В студеном Белом море шар этот потом утонул.

– А у твоего водочного старца на ладонях тех шрамов не было?

– Так не глядел я ему на ладони. Да и прятал он их от меня, ваше сиятельство. Хотя… Нет, не помню.

А вот Жаннет помнила! Из-за этих самых шрамов такими головокружительными были ласки библейского старца.

А на следующий день она те шрамы более внимательно разглядела, когда с него свою кружевную сорочку сдернула.

Старец лежал на кровати, широко раскинув руки ладонями вверх. Глаза его синими озерами глядели в потолок, и этот потолок в них облаками белыми отражался. А на груди его ножиком была выписана (кто их, извергов, разберет?!) или латинская буква v, или латинская пятерочка.

V

Думаю, что все-таки буковку выписал злодей. С нее же слово «виктория» начинается. А он, действительно, над всеми свою Викторию одержал. И что на этом не успокоится, окаянно предупредил кровью на сорочке женской:

Я новый счет начал! Он не из нашего числа.

– Срам-то какой, мадам! – услышала она за своей спиной голос коридорного лакея. – Ночью этой вы из его номера, пардон, в том же виде выбежали! А теперь… – придушил свой смешок лакей.

Старец лежал голый на кровати.

О прочих срамных подробностях умолчу. Они в протоколе осмотра убитого записаны.

Глумливо полицейские смеялись, когда сей протокол составляли. «Не иначе… он свой… и вынуть не успел, – усмехнулся кемский исправник и произнес откровенно откровенное наше русское крепкое слово. – Что ж, – продолжил он, – сладка, видно, ему эта смерть была. На бабе! Вон как широко и радостно глядит… озерами нашими синими… карельскими!»

Расхожую глупость исправник сказал.

Редко карельские озера синими бывают. Даже в солнечно-безоблачный день они или кроваво-красные, или ржавые от затонувшего леса; или какого-нибудь такого невообразимого цвета, что и названия этому цвету нет. Вот потому и говорят привычное: голубые, синие. А, в общем-то, цвет у них один – бездонный, будто в них водку с пивом влили из тех бездонных Васькиных стаканов! И доказывать не надо – аксиома. Аксиома выбора.

Вот и графу Большову, так сказать… аллегорически выражаясь, предстояло о существовании этой аксиомы узнать.

Сон семьдесят седьмой, от Беса

С парадоксом лжеца имеет сходство известный еще в древности (см., например, «Послание к Титу св. апостола Павла», 1, 12) так называемый «парадокс критянина». Критский философ Эпименид сказал: «Все критяне – лжецы». Если то, что он сказал, верно, то, поскольку Эпименид сам критянин, сказанное им есть ложь. Следовательно, то, что он сказал, есть ложь. Тогда должен быть такой критянин, который не лжет. Последнее не является логически невозможным, и мы здесь не имеем настоящего парадокса. Тем не менее тот факт, что произнесение Эпименидом этого лживого высказывания может повлечь за собой существование критянина, который не лжет, до некоторой степени обескураживает.
Эллиот Мендельсон. Введение в математическую логику. 1971 г., С. 8

Все убийцы лжецы. И это справедливо – убийца ты или просто лжец. Но если убийца или лжец скажут вдруг правду, то выйдет, что лжец соврал – и не соврал одновременно, а убийца убил – и в то же время и не убил. И сей парадокс убийцы просто разрешается: он человека убил – и его, им убитого, за себя выдал – а сам вместо него стал! Он в этом случае и на Библии поклянется, что не убивал он себя. А ведь не понимает, что опять соврал, хотя и правду сказал! Так что выходит – не поколебать ему парадокс, который я для него вывел.
Граф М. Ф. Большов

В тот день, когда протокол кемский исправник в гостиничном номере составлял, Мефодий Кириллович проснулся в благодушном настроении.

Спалось ему этой ночью крепко и сладко на пуховой монастырской перине.

Северное яркое солнце светило в узкое окно, как изображают на иконах, снопом золотого света, словно ангел в келью заглянул и полумрак кельи своим взглядом осветил.

И граф потянулся легко и благостно. Ведь это его ангел своим взглядом удостоил!

И в этой утренней неге он решил еще понежиться и поразмышлять.

Но ни понежиться, ни поразмышлять ему не дал драгунский полковник Марков.

Не постучав, он вошел к нему и прямо с порога сказал:

– Келарь пропал, ваше сиятельство! Зря мы ему вчера поверили. Убежал… подлец!

Мефодий Кириллович посмотрел спокойно на драгуна. Потом неспешно свесил свои ноги с кровати и попробовал одной ногой пол, как пробуют воду (не холодна ли?). Пол оказался холодным – и он спросил Маркова, будто входить в эту холодную воду отказался:

– Да с чего ты взял, что убежал? – И добавил: – Может, убили?

– Воскресенье сегодня, ваше сиятельство, а не четверг!

– Да, конечно, – согласился граф. – По воскресеньям он не убивает. Впрочем, думаю, найдется наш келарь. Ты спрашивал? Может, уехал куда?

– Спрашивал! Все его ищут, – усмехнулся драгун, – да вряд ли найдут. Ночью его видели на пристани.

– Ну вот, значит… все-таки уехал. Куда – спрашивал? – Мефодий Кириллович вдруг поймал себе на том, что этот вопрос уже задавал драгуну.

Да, конечно, задавал, но драгун ведь не ответил на него. Видно, исчезновение келаря и господина полковника закружило.

Закружило, разумеется, Маркова исчезновение келаря, да так, что он даже забыл с утра похмелиться. Но все же узнал, что ночью в Кемь ушла яхта «Гамаюн», а чуть раньше – в Архан-

гельск парусный ботик «Секира». Ботик этот келарь и провожал, так что драгун уверенно ответил графу Большову:

– Что, ваше сиятельство, мне спрашивать? Сам знаю, что в Кемь сбежал келарь. Разрешите, я его догоню!

– Если он тот самый старец, то не догонишь! Да и нужен ты мне тут. Не отпущу.

– Тогда позвольте, ваше сиятельство, одному моему человеку в Кемь записку написать. Он-то его непременно догонит.

– Что за человек? – спросил граф Большов.

– Вы его… вернее – ее, ваше сиятельство, знаете. Это – Жаннет Моне.

– Бутурлина, что ли? – ничуть не удивился граф Большов и шутливо добавил: – А от князя не достанется нам на орехи?

Жаннет Моне была когда-то, как сейчас говорят, в княжеской команде – и, очень может быть, что и сейчас в ней, т. е. по его ведомству числится. К тому же доля истины в его шутке была. На орехи, в случае чего, не от князя, а от государя им достанется! Но граф на этот случай «соломку» постелил.

Во все детали «Богомолья на Соловках» князь Павел Петрович его не посвятил – и он предусмотрительно на этом не настаивал, но государю все-таки сказал: «Превесело будет, если мы с его людьми лбами где-нибудь сшибемся!» – «Но что я могу поделать? – улыбнулся государь. – Сами же знаете, Мефодий Кириллович, что наш князь это как раз и любит, чтобы искры из глаз! Он их „искрами истины“ называет!» – «Искры искрами, но ведь и слезы, ваше величество, будут, – вздохнул граф Большов и добавил: – И… не дай бог, ваше величество, кровь!» – «Слезы, – засмеялся государь, – я вам утру. А вот крови, надеюсь, не будет».

– Князь ничего не узнает, – заверил его Марков. – Она тут с Бутурлиным случайно оказалась.

– Хорошо, напиши ей, – согласился граф и тут же произнес свое словечко: – Превесело, думаю, она нам поможет!

А пусть, решил он для себя, и неслучайно мадам Бутурлина сюда приехала. Посвящать, князенька, надо было меня во все тонкости! А то ведь не знаю, какую ты карту в рукаве своем фокусном спрятал: туза ли, даму – или короля бубнового? Может статься, тот библейский старец, что наперегонки с драгуном в Кемь скакал, за нас играет, а мы его… вашей же козырной дамой треф пришлепнем – и по бороде его сивой… превесело.

Ох, прозорлив был граф Большов Мефодий Кириллович!

Прозорлив.

Только вряд ли этот старец был человеком Павла Петровича. И все же козырной дамой треф (Жаннет нашей) этого старца и «пришлепнули»!

Вот что она написала драгуну Маркову, когда получила от него записку.

Милый Гаврюша!

Рада бы тебе помочь – келаря этого в Кеми сыскать, да, как говорится, кто бы мне самой помог.

Под домашним арестом я нынче, под подозрением.

Убили твоего библейского старца этой ночью.

А коридорный лакей меня видел, как я из его номера ночью той выходила. Правда, и старца он живым видел. И все же, подлец, заявился ко мне днем. «Я, мадам, наблюдал, как вы с убитого старца свою сорочку сняли, – сказал он пренагло. – Зачем? Но я буду молчать обо всем этом, если вы мне сто тысяч золотом мое молчание оплатите!» – «Твое молчание, – возразила я ему заносчиво и опрометчиво, – дешевле стоит!» – «Не сомневайтесь, – усмехнулся лакей, – грамотный. Сейчас же записку напишу, что вы о дешевизне моего молчания сказали. Если что, мадам, мою записку прочтут! Жду

до вечера». – «Хорошо, – сказала я ему, – подумаю. Ступай!» Он вышел, а через два часа его задушенным в гостинице нашли.

Не знаю, написал ли он свою записку, и если написал, то нашли ее или нет! Но пальцы у него, сама видела, в чернилах были. Так что жду: или его убийца мне эту записку предъявит, или полиция. Не знаю, что лучше.

О подробностях убийства старца твоего говорить не буду. Узнаешь сам. Единственное, что хочу сказать (я одна это знаю – не проговорись!), – на той сорочке кровью было написано: «Я новый счет начал! Он не из нашего числа».

А келарь вечером этого же дня нашелся.

– Где вы были? – не преминул спросить его полковник Марков.

– На Секирную гору ночью ходил, чтобы пьяные драгуны молиться не мешали! – злопамятно ответил келарь – и тут же добавил: – Да вот, как на грех, срамная голая девка мне явилась. Пришлось ее высечь. Но упорной оказалась – не отстала. Всю ночь своим телом прельстительным соблазняла, молитве моей мешала. Под утро только ушла. Я молитву сотворил – и заснул. Весь день на горе той и проспал.

А на следующий день пришли вести из Кеми.

Ночью в гостинице города Кеми убили постояльца (старика благородной и почтенной наружности) – и убил его кто-то из постояльцев гостиницы прямо в номере старца – и раздел донага из озорства – проказник! А днем там же, в гостинице, задушили коридорного лакея. И столь пикантны были подробности смерти старца, что не женщина ли его убила? Имя ее полиция пока хранит в тайне.

Но вот что странно!

Убили двоих, а хоронить одного придется.

Тело убитого старца пропало, исчезло (само, что ли, на небо вознеслось?), а кровью на белой стене было написано:

Не ищите мое тело! Я не из их числа.

Кровью собственной он это написал или чужой, неизвестно. Сторож морга, слава богу, в ту ночь был пьян.

– Да, превесело, – сказал без обычной своей веселости граф Большов, когда все это рассказал ему драгун. – Значит… он не из их числа, поэтому и не ищите его тело! Премудро, будто из Библии, – продолжил неожиданно весело. – Но ведь на него, мудреца, другие мудрецы найдутся. Я только что Послание к Титу святого апостола Павла перечитывал. И смотри, – воскликнул он удивленно, – на каком месте ты меня прервал! – И граф прочитал начало стиха тринадцатого из главы первой этого Послания: – «Свидетельство это справедливо». А в двенадцатом стихе апостол Павел о неком критянине лукавом поведал, – заговорил он наставительно. – Сей критянин предерзко заявил, что все критяне – лжецы! А из этого высказывания выводится, ежели поразмыслить, что не все они лжецы, хоть один правдивый из них да найдется. И вот что я тебе, Гаврила Гаврилович, скажу. Дня через два я отсюда уеду. Не по моей, сам знаешь, части… убийствами и прочими разбойными делами заниматься, а ты тут останешься. Государь новых людей, думаю, уже послал с убийствами этими разбираться. Так ты им мои слова передай! Не все убийцы – убийцы. И вот из чего я это вывел. Сам знаешь, все убийцы лжецы. И это справедливо – убийца ты или просто лжец. Но если убийца или лжец скажут вдруг правду, то выйдет, что лжец соврал – и не соврал одновременно, а убийца убил – и в то же время и не убил. И сей парадокс убийцы просто разрешается: он человека убил – и его, им убитого, за себя выдал – а сам вместо него стал. Он в этом случае и на Библии поклянется, что не убивал он себя! А ведь не понимает, что опять соврал, хотя и правду сказал.

Так что выходит – не поколебать ему парадокс, который я для него вывел. – Граф замолчал и, обхватив голову руками, погрузился в чтение Библии. – Так ты все еще тут? – посмотрел он через минуту на драгуна. – Ступай. Я комиссию нашу своей волей, данной мне государем, распускаю. С этой минуты ты свободен. Выручай свою Жаннет. Ступай!

– Но, ваше сиятельство? – изумился драгун. – Я про Жаннет ничего вам не говорил.

– Ты и про то, что она тебе написала, мне не рассказал. А я знаю, – закричал он сердито, – превесело он ее в свое самоубийство мнимое впутал и на нее убийство этого лакея повесил! Превесело. Ступай.

Сон тридцать седьмой, от Беса

Кемский исправник Марков Гаврила Гаврилович…

Я и не знаю, как мне выбираться из этих совпадений? Впрочем, тут просто: обойдусь без его имени и фамилии. Или исправником буду его называть. Внесу, так сказать, редакторскую правку в текст своего сна тридцать седьмого. И с учетом этой правки продолжаю.

Кемский исправник носил драгунские усы и имел те же кавалерийские привычки, что и наш драгун Марков.

Разумеется, сходство фамилии, имени и отчества, как говорится, его к этому обязывало. Правда, точной копией он его не был.

Наружность он имел весьма скромную. Рыж, тощ – и все остальное прочее. Усы поэтому красил в черный цвет. Выпивал, не без этого, но умеренно. И в карты любил поиграть – но вечно проигрывал. Но умен был… бестия! Тут наш Марков-первый, скажу честно, в подметки ему, нашему Маркову-второму, не годился.

Вот и не трогал он поначалу столичную барыню – Бутурлину Евгению Александровну, хотя сразу понял, что к смерти старца она имеет прямое отношение. Но вот когда лакея коридорного задушили, вынужден был с ней поговорить.

– Евгения Александровна, – деликатно постучал он в дверь ее номера, – разрешите войти!

– Входите! – не сразу ответила Жаннет.

Он вошел и сказал:

– Простите, мы не знакомы, но вынужден познакомиться. Марков Гаврила Гаврилович. Исправник здешнего уезда. Впрочем, я, кажется, вам помешал? Так я, – посмотрел он на нее вопросительно, – если помешал, могу позже зайти.

– Ничуть не помешали, – ответила Жаннет поспешно. – Да вы присаживайтесь, господин исправник, – указала она ему на стул. – Полагаю, разговор у нас будет долгим.

– Да нет, – ответил он, – разговор у нас, думаю, не таким уж и долгим будет. Так что я… с вашего позволения постою, а вы присаживайтесь – и письмо свое дописывайте! А хотите, то я за дверью подожду. – И исправник направился к двери.

– Гаврила Гаврилович, – остановила она его, – а с чего вы решили, что я письмо писала?

– С чего, Евгения Александровна, решил? – удивился исправник. – Ну, во-первых, когда я к вам постучал, вы не сразу мне ответили. Значит, чем-то были заняты. Во-вторых, я видел, как вам сегодня письмо мальчишка принес. Потому… как вы это письмо тут же, в коридоре, прочитали и к себе в номер ушли, ответ нужно было дать срочно! Только, думаю, вы поторопились. После нашего разговора, Евгения Александровна, вам другое письмо придется написать! И к тому же, простите меня великодушно, на пристань я ваше письмо сам отнесу, так как с этой минуты вы, Евгения Александровна, под домашним арестом. И сразу скажу, что вынужден это сделать не потому, что вас подозреваю в этих двух убийствах, а потому что боюсь, что вы третьей жертвой этого изверга будете! Я к вашей двери двух своих людей приставлю. И чтобы вы до конца в мою искренность поверили, вот вам записка, которую коридорный лакей написал! – И он протянул Жаннет сложенный вдвое листок. – Думаю, понимаете, что это должно остаться между нами. Даже в письме своем об этом не пишите.

– Да, конечно, – ответила Жаннет. – Но объясните, Гаврила Гаврилович, дорогой?

– Объясню, а вы все-таки сядьте. Мне неловко, когда вы стоите, а я, простите, когда говорю… люблю ходить. Садитесь, прошу вас!

Жаннет села, а он зашагал из угла в угол.

– Первое, что вы и без меня отлично знаете, – начал он, – старика отравили ядом. Миндалем от него, что духами, пахло. А вот перегаром… нет! А ведь они вчера вместе с драгунским полковником Марковым, моим тройным тезкой, семь штофов водки выпили! Что из этого следует?

– Вы хотите сказать, что не его отравили, а он отравил?

– Нет, пока я могу только утверждать с уверенностью, что не его отравили! Чтобы ответить, кто отравил этого старика, я должен вас спросить, пахло от того… вашего старца… перегаром этой ночью или нет?

– Да, пахло.

– Отлично! Значит, теперь я почти уверен, что ваш ночной старец и отравил своего двойника. И теперь нам надо ответить на один-единственный вопрос! Зачем он его отравил?

– А разве вы не хотите узнать, кого он отравил? Или уже знаете?

– Знаю, конечно. Это келарь нашего Соловецкого монастыря… отец Пафнутий.

– Простите, Гаврила Гаврилович, но я тоже буду откровенна. Сегодня я получила из монастыря письмо от вашего тезки Маркова, в котором он просит меня разыскать именно отца Пафнутия! Вчера келарь приплыл в монастырь из Архангельска, а сегодня утром исчез. Все его там ищут.

– Прошу вас, Евгения Александровна, о том, что он убит, полковнику Маркову не сообщать!

– Почему?

– Есть соображения.

– Какие же?

– Хочу, чтобы все думали, что убит в своем номере не отец Пафнутий, а ваш, так сказать, ночной старец. И убит, уж простите, некой дамой, имя которой в интересах следствия не разглашается! А «келарь», уверен, уже в монастыре нашелся!

– И что же? Этот «келарь» в монастыре… свой кровавый счет продолжит!

– Ну, до четверга, я надеюсь, он потерпит. А вот ваш полковник Марков, простите меня великодушно, только все дело испортит, если будет знать нашу с вами тайну.

– Но там, кроме него, граф Большов.

– А я ему уже об этом написал! – Исправник достал карманные часы, посмотрел, который час, и сказал: – Он, думаю, уже знает.

– А разговор зачем со мной тогда вы этот затеяли?

– Видите ли, Жаннет… так вас ведь зовут ваши друзья? Позвольте и мне вас так звать. Я исправником здесь недавно. До этого я служил… Впрочем, вы и сами догадались, под чьим началом я служил и служу!

Каюсь, любезные мои читатели, слукавил – и кое-что утаил от вас, что еще мне Павел Петрович сказал, когда книжку Ключевского подарил.

Разумеется, утаил из благих побуждений.

Во-первых, вы бы ничего не поняли, как и я тогда не понял; а во-вторых, сами понимаете, жанр моего романа такой – детективный, поэтому интрига в нем должна быть, тайна. Не на первой же странице мне вам рассказывать вкратце содержание всего романа?!

– Комиссия состояла из двух человек, – лукаво улыбнулся Павел Петрович. – Председатель – сенатор граф Большов Мефодий Кириллович. Технический секретарь – драгунский полковник Марков. Вот, пожалуй, и все, что до́лжно пока вам знать! Хотя нет. Я кое-что упустил. Впрочем, не буду засорять ваши мозги мелочами. – И, разумеется, он тут же мне их «засорил»! – Там еще один Марков… Гаврила Гаврилович появится, – заговорил он строго. – Так не перепутайте их! Второй Марков мной в Кемь уж год… как исправником был заслан. Вот кто действительно тишайше и окольно на наше «богомолье» прибыл. Что скажете? Кто

из нас прозорливей оказался – я или граф Большов? – И Павел Петрович захохотал. Тогда я ему ничего не ответил, так как ничего не знал, как и вы. А теперь знаю – и скажу: «Рано он своей прозорливостью хвастается. Ведь это были, так сказать, цветочки – ягодки впереди!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.